

Вернувшись в свои покои, Ань Цзыянь никак не мог унять радостного волнения. В душе теплилась робкая надежда, что сегодня он наконец-то сможет уснуть спокойным сном.

И предчувствие его не обмануло: в эту ночь он спал беспробудно до самого рассвета, а утром почувствовал себя необычайно бодрым и полным сил. На этот день пришёлся праздник Лаба, поэтому обитатели усадьбы поднялись спозаранку. На кухне уже томила наваристая каша Лаба, дожидаясь, пока господа соизволят пожаловать к столу. Разумеется, Чоу Хуайшэн разделит утреннюю трапезу со всеми.

— Праздники уже на носу, Бэйцэ, — обратился принц-регент к супругу. — Обсудите с невесткой, чего ещё не хватает в доме, и докупите всё необходимое. Да, Хуайшэн, а ты не желаешь встретить Новый год у нас в поместье?

Ань Шаоцин ещё вчера из разговоров понял, что юноша покинул Истинного владыку Сюаньцина. Расспрашивать о причинах столь спешного ухода из вежливости не стал, да и о семейных делах гостя ему ничего не было известно.

Чоу Хуайшэн замешкался, не зная, что ответить. Согласиться сразу казалось верхом нескромности, но и вежливый отказ ставил его в затруднительное положение — идти-то ему было совершенно некуда. В праздничные дни все постоянные дворы и таверны наверняка закроются.

— Брат Хуайшэн, оставайся, — мягко вмешался Ань Цзыянь. — Поговаривают, на севере все дороги завалило снегом, ехать туда сейчас просто опасно. Лучше проводи праздники с нами!

На самом деле Цзыянь и сам собирался просить отца оставить Хуайшэна на Новый год, но никак не ожидал, что родитель опередит его.

— Раз так, почту за честь принять ваше великодушное приглашение, — с лёгким поклоном ответил Чоу Хуайшэн.

На том и порешили.

Покончив с праздничной кашей, Ань Цзыянь увлёк гостя за собой на кухню — готовить чеснок Лаба. По традиции это нехитрое кушанье закладывали именно в этот день. Юноша выбрал лучший рисовый уксус, вместе с Хуайшэном очистил головки фиолетового чеснока и уложил их в глиняный кувшин. Залив пряные зубчики уксусом, они плотно закупорили горлышко и убрали сосуд в тёмную прохладную кладовую. Настаиваться ему предстояло до самой новогодней ночи — лишь тогда чеснок обретёт свой знаменитый изумрудный цвет и пикантный вкус.

Вся усадьба гудела, как растревоженный улей: каждый слуга был занят своими предпраздничными хлопотами. Праздным оставался разве что сам Цзыянь. Пользуясь случаем, он вызвался показать гостю поместье. В прошлый свой приезд Хуайшэн почти не выходил из

гостевых покоев да спальни молодого хозяина, так что разглядеть великолепный дворец принца-регента ему толком не удалось.

Эта резиденция была возведена вскоре после того, как Ань Шаоцинъ удостоился титула принца-регента. Цзыяню тогда едва исполнился год. Прошло больше десяти лет, но благодаря заботливому уходу поместье по-прежнему выглядело величественно и свежо, словно его закончили строить совсем недавно.

Дорожка привела их к живописному пруду, посреди которого высился уединённый островок-холм высотой около тридцати метров. К нему вёл изящный изогнутый мостик, а на самой вершине холма красовалась узорчатая беседка. Стояли лютые январские морозы, и холм укрывало тяжёлое снежное одеяло. Окружавшие его деревья давно сбросили листву, и лишь раскидистые вечнозелёные сосны да кипарисы упрямо пробивались сквозь сугробы, радуя глаз сочной зеленью.

— Тот холм зовётся Южной бамбуковой горой, а беседка на нём — Павильоном Изумрудных Облаков, — пояснил Цзыянь, указывая рукой на вершину. — Оттуда вся усадьба видна как на ладони. Не хочешь подняться, брат Хуайшэн?

Сам он не бывал там уже очень давно. В детстве, пока недуг ещё не подточил его силы, он иногда поднимался наверх. Но стоило ему немного подрасти, как отец и папа строго-настрого запретили ему туда ходить. Пусть холм и не был крутым, на его вершине гуляли сквозняки, а хрупкому здоровью Цзыяня ледяной ветер был противопоказан. Теперь же, когда болезнь отступила, обычная простуда больше не грозила ему смертельной опасностью. Юноше нетерпелось вновь ощутить простор высоты. К тому же там, наверху, царило благодатное уединение — идеальное место для свидания.

При мысли о свидании щёки Цзыяня залил нежный румянец. Раньше они часто оставались наедине, и это казалось ему самым естественным делом. Но теперь, когда их чувства открылись, каждое мгновение тет-а-тет заставляло его сердце трепетать от сладкого смущения.

— Что ж, пойдём оценим вид, — с улыбкой согласился Хуайшэн.

Не дожидаясь приглашения, он уверенно зашагал вперёд, увлекая Цзыяня за собой. Тот на мгновение растерялся от такой приятной властности, но тут же, не в силах скрыть робкой улыбки, поспешил следом.

Подъём на невысокий холм не отнял много сил. Вскоре они уже стояли в беседке, плечом к плечу, любясь раскинувшимися внизу владениями. Золотистые лучи зимнего солнца пробивались сквозь кружево облаков, заставляя сугробы искриться мириадами алмазов и смягчая суровое дыхание морозного дня.

— Не замерз? — Хуайшэн обеспокоенно заглянул юноше в глаза. — Если холодно, давай сразу спустимся.

Даже под ласковым солнцем здесь, на открытой вершине, всюду гулял пронизывающий ветер. В беседке не было жаровни, и стоило им остановиться после ходьбы, как морозный воздух тут же принялся кусать за щеки.

— Мне тепло. Давай побудем здесь ещё немного, — негромко попросил Цзыянь.

И он не лукавил. Хуайшэн плотнее запахнул полы своего широкого плаща, надёжно укрывая юношу от ветра и прижимая к своей груди. Спиной Цзыянь ощущал сильное, ровное тепло чужого тела. И от этого тепла его собственное сердце затапливала согревающая волна.

— Как пожелаешь, — прошептал Хуайшэн, обнимая его ещё крепче.

Они затихли, вслушиваясь в биение сердец друг друга и вдыхая едва уловимый, ставший уже родным аромат.

— Брат Хуайшэн... Как думаешь, мы ведь всегда будем вместе? Вот так, как сейчас? — тихо спросил Цзыянь.

Прежде он сотни раз засыпал и просыпался с этой несбыточной мечтой. Он грезил о том, как они рука об руку пройдут весь жизненный путь до глубокой старости. Долгое время юноша верил, что судьба никогда не проявит к нему благосклонности, но теперь его сказка стала явью.

— Будем. Обязательно будем, всю жизнь, — донёсся до его уха горячий шёпот.

Цзыянь доверчиво откинул голову на плечо возлюбленного. Душу переполнило такое чистое счастье, какого он не испытывал уже целую вечность. Не выдержав натиска этих чувств, он негромко, но очень искренне рассмеялся.

— Чему ты смеешься, глупыш? — ласково спросил Хуайшэн.

Цзыянь лишь безмолвно покачал головой, не переставая улыбаться. Он устремил взор вдаль, на залитые солнцем заснеженные сады, и подумал, что сегодня воистину самый прекрасный день в его жизни.

Они пробыли в беседке ещё около получаса, а затем неспешно начали спускаться. Солнце к тому времени уже клонилось к закату, и на кухне усадьбы всюду кипела работа над праздничным ужином.

Как они и предполагали, к их возвращению стол в главной зале уже ломился от яств. Вскоре под руки с супругом вошёл Фэн Бэйцэ. Ань Шаоцин бережно усадил папу Цзыяня на почётное место по правую руку от себя, после чего занял место во главе стола.

По случаю праздника Лаба и в честь устроенного для Хуайшэна приветственного пира повара превзошли самих себя. Стол ломился от изысканных деликатесов — здесь были и отборные морские ушки, и суп из акульих плавников. Подобная роскошь наглядно показывала, насколько глубоко в поместье принца-регента уважали дорогого гостя, ведь в прежние годы празднование Лаба в кругу семьи проходило куда скромнее.

— Ну что ж, прошу всех к столу, — благодушно произнёс Ань Шаоцинъ, окинув присутствующих взглядом. — Хуайшэн, хоть сегодня и праздник Лаба, наш главный повод собраться — это твой приезд. Чувствуй себя непринуждённо, как дома.

— Благодарю за вашу щедрость и радушие, ванъе, — вежливо поклонился в ответ Хуайшэн и занял отведённое ему место.

Слуги заранее наполнили пиалы белоснежным рисом, так что трапеза началась без лишних церемоний. Беседа за столом текла неторопливо и мирно. Каждый без лишних слов ухаживал за тем, кто был дорог его сердцу, наполняя тарелку лучшими кусочками. В этой тихой заботе сквозило удивительное, тёплое согласие. Окончив ужин, чета ванъе и молодые люди перебрались в уютную гостиную, где уже жарко пылала бронзовая жаровня, и расположились у огня за тихой беседой.

<http://bllate.org/book/18341/1863461>